

полития

Я.С.Гузей

ЭТНИЧНОСТЬ И ВОЙНА

ЯПОНСКИЕ МИГРАНТЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг.

Ключевые слова: этничность, Российская империя, японские мигранты, общественно-политический дискурс, Русско-японская война

¹ См., в частности, коллективную работу под редакцией В.И.Дятлова и К.В.Григоричева (Дятлов, Григоричев [Djatlov, Grigorichev] (ред.) 2013), а также специальный выпуск «Известий Иркутского государственного университета» (Известия [Izvestija] 2014).

² Дятлов, Григоричев [Djatlov, Grigorichev] 2014.

Проблема актуализации и политизации этничности в современном мире становится все более злободневной. Причины растущего интереса к ней, в том числе и среди российских исследователей¹, вполне очевидны. В эпоху глобализации и стремительного роста миграционных потоков вопросы этнического, национального не только не уходят на задний план, но и обретают серьезное общественно-политическое звучание. Процессы, развертывающиеся как внутри отдельных обществ, так и за их пределами, заставляют людей активно переосмысливать этнические границы, определять свое место в мире, проводя ментальную дифференциацию на «своих» и «чужих». В подобных условиях значительное число тех, кто ранее вполне индифферентно относился к своей этнической принадлежности, начинает осознавать себя «этнофорами» — носителями определенной «национальности», и это осознание накладывает заметный отпечаток на их поведение, прежде всего политическое². Но еще чаще некие параметры этничности начинают наделяться политическими смыслами окружающим сообществом, становятся политически значимыми даже вопреки желанию самих «этнофоров». Толчком к такому повороту событий нередко выступают внешнеполитические факторы.

Сама по себе актуализация этничности под влиянием процессов, происходящих на внешнеполитической арене, не вызывает удивления. В соприкосновении с «другим», «иным» такая актуализация вполне естественна и даже закономерна, в особенности в случае крайнего обострения межгосударственных отношений, когда «другой» начинает восприниматься уже не просто в качестве «чужого», а в качестве угрожающего. Каковы причины и механизмы данного феномена? Какие факторы влияют на актуализацию этничности? И как в непростой внешнеполитической ситуации новыми смыслами и коннотациями наполняются давно знакомые, вполне привычные явления и символы, ранее не осмыслявшиеся сквозь призму этнического? Все эти вопросы, безусловно, нуждаются в тщательном анализе.

В этом плане исключительно интересный материал для исследования предоставляет опыт Российской империи во время Русско-

японской войны 1904—1905 гг., когда военные действия, резко повысившие значимость этнического фактора как формы концептуализации «чужого» (врага), серьезно отразились на отношении российского общества к японцам, проживавшим внутри страны. Уникальность сложившейся ситуации заключалась в том, что вплоть до 1904 г. японские мигранты были едва заметной величиной в общественно-политическом пространстве огромной многонациональной империи. И именно такая «неприметность» японцев особым образом оттенила их пребывание на территории России с началом русско-японского конфликта. Разобраться в причинах произошедшего я и попытаюсь в настоящей статье.

Однако прежде чем приступать к решению этой задачи, стоит сказать несколько слов о том, в чем и почему данный сюжет может быть полезен с точки зрения процессов актуализации этничности.

**Этничность
и «нулевая»
мировая война**

Война между Россией и Японией, разразившаяся в феврале 1904 г., знаменовала собой наступление новой эры в истории военного дела. Казалось бы, ничем не примечательное вооруженное столкновение двух держав тем не менее во многих отношениях принципиально отличалось от войн предыдущего столетия. По своему масштабу и косвенной вовлеченности в военные действия других государств Русско-японская война стала конфликтом глобальным, непосредственно затрагивавшим интересы не только воюющих сторон.

По целому ряду параметров эта война гораздо больше походила на Первую мировую, чем даже на крупнейшие военные кампании XIX в. В связи с этим представляется вполне обоснованной точка зрения международного коллектива исследователей, поставивших Русско-японскую войну в один ряд с глобальными конфликтами XX столетия, обозначив ее в качестве «мировой войны» под номером «ноль»³.

Русско-японская война была не просто столкновением двух государств, решавших свои разногласия посредством маневрирующих армий. Она представляла собой тотальную военную кампанию, целью которой был полный разгром и дискредитация противника в глазах «мирового сообщества». Как следствие, военные действия, происходившие на полях сражений, активно переносились и внутрь самих государств, мобилизуя на борьбу с противником не только фронт, но и тыл. И речь здесь шла уже не только об оказании населением посильной материальной помощи сражающейся армии. Принципиально важно, что в 1904—1905 гг. к участию в военных действиях самым активным образом были привлечены (как одной, так и другой стороной) средства массовой информации, сделавшиеся мощным стратегическим оружием.

Освещавшая войну пресса формировала у населения особое чувство сопричастности общему делу, диктовала ему необходимость осознания себя и тех, кого следует считать «своими». В результате реальными противниками оказывались уже не просто отдельные армии или государства, а различные этнические общности, народы и даже расы

³ Steinberg et al. (eds.) 2005; Wolff et al. (eds.) 2007.

(если рассуждать в терминах того времени). Именно отсюда и идет стремление российских журналистов описывать войну России и Японии в расовых категориях, представляя ее как противоборство «белого» и «желтого» миров — русских и японцев.

Такой подход к войне, осмысляемой как глобальный вооруженный конфликт, когда сражаются целые народы, знаменовал собой и новое отношение к этническому. Серьезную роль здесь сыграло и то обстоятельство, что война совпала по времени со стремительными изменениями, происходившими в традиционных обществах, — кризисом сословной системы, переоценкой значения религиозного фактора, началом строительства наций (nation-building). В этих условиях этничность все чаще воспринималась как важная, знаковая характеристика каждого отдельного индивида, даже более устойчивая, чем сословная принадлежность или вероисповедание.

Именно поэтому война 1904—1905 гг. может выступать в качестве одной из рамок для изучения процессов актуализации этничности. Анализ отношения российских подданных к японским мигрантам и восприятия русскими японского колорита, привнесенного в пространство российских городов выходцами из Японии, дает ключ к постижению истоков такой актуализации и ее механизмов. Сразу же оговорю, что в данном случае речь не идет о реконструкции истории японской диаспоры в России или о рассмотрении образа «японца» в общественном мнении страны, чему и без того посвящено немало добротных исследований⁴. Важнее понять, как и почему японцы, проживавшие в России, превратились в глазах ее населения из ничем не примечательных мигрантов в представителей нации, враждебной интересам империи.

⁴ См., напр. Молодяков [Molodjakov] 1996; Сенявская [Senjavskaĭa] 2002; Зайцев [Zajcev] 2006; Белоус [Belous] 2007; Тамура Айка [Tamura Aika] 2007; Воробьева [Vorob'eva] 2007.

Положительные инородцы

Впервые Россия познакомилась с японцами еще в конце XVII столетия. Разбившееся в 1695 г. у берегов Камчатки японское судно забросило в Московское государство купца из Осаки Дэмбэя. Диковинный иностранец, побывавший в плену у камчатских аборигенов, в скором времени был доставлен в Петербург, где в 1702 г. он был представлен самому Петру I, который определил чужестранца на службу в Артиллерийский приказ в качестве переводчика и преподавателя японского языка⁵. Дэмбэй стал первым японцем, чье пребывание в России зафиксировано официально. Впоследствии в силу разного рода обстоятельств на российской земле довелось побывать и другим выходцем из Страны восходящего солнца, однако вплоть до середины XIX в. такие случаи оставались единичными.

⁵ Подалко [Podalko] 2005.

Относительно массово японцы стали появляться в России лишь во второй половине XIX столетия, когда с присоединением Приамурья и Приморья началось активное освоение дальневосточной окраины. Стремительные темпы развития российского Дальнего Востока способствовали росту переселенческого движения в регион, особенно из сопредельных стран Азии.

Переселение на российский Дальний Восток стимулировали не только новые возможности, открывавшиеся в России, но и неблагоприятные условия в странах выезда. В числе «доноров» для российской окраины оказалась и Япония, переживавшая непростые времена. Тяжелое социально-экономическое положение значительной части жителей Страны восходящего солнца, страдавших от голода, нищеты и нехватки пригодных для сельскохозяйственного использования земель, заставляло их искать лучшей доли в чужих краях. Этому процессу содействовала и реставрация Мэйдзи, снявшая давний запрет на выезд из страны. Новое японское правительство не только перестало препятствовать эмиграции из Японии, но даже начало рассматривать ее в качестве «средства снижения социальной напряженности в обществе, уменьшения безработицы и обеспечения притока капиталов из-за границы»⁶.

⁶ Позняк [Poznjak] 2004: 21.

Миграции японцев на восточную окраину России благоприятствовали географическая близость, сравнительная дешевизна проезда и перспективы, которые активно развивавшийся регион сулил тем, кто был заинтересован в открытии собственного дела. Особенно притягательным в этом плане для японцев являлся Владивосток. Будучи одним из самых быстрорастущих имперских центров на российском Дальнем Востоке, он обладал еще и тем преимуществом, что имел прямое паромное сообщение с Кобэ, Цуругой и Нагасаки. Переселению японцев во Владивосток способствовало и открытие там в 1875 г. торгового представительства Японии с учреждением должности коммерческого агента, который фактически взял на себя выполнение консульских функций, выстраивая диалог между мигрантами и местной российской администрацией.

В результате с 1870-х годов на российском Дальнем Востоке постепенно формируется японская община, концентрирующаяся большей частью в городах, преимущественно во Владивостоке. Тем не менее вплоть до 90-х годов XIX столетия японцев, проживавших в России на постоянной основе, было исключительно мало. Согласно имеющимся данным, в 1884 г. на всей территории страны насчитывалось только 412 выходцев из Японии⁷. Однако с началом строительства в 1891 г. Транссибирской магистрали их число ощутимо возросло. Сооружение Великого сибирского пути потребовало огромной массы рабочих рук, обеспечить которые за счет ресурсов самой дальневосточной окраины было невозможно. В этих условиях строители оказались вынуждены прибегнуть к найму рабочих из соседних азиатских государств, в том числе из Японии. В итоге к 1902 г. японская колония в России увеличилась до 4716 человек, из которых 2996 проживали во Владивостоке, 544 — в Никольске-Уссурийском, 254 — в Николаевске-на-Амуре, 201 — в Хабаровске, 95 — в Чите и лишь 29 — в европейской части страны⁸.

⁷ Там же: 32.

⁸ Тамура Айка [Tamura Aika] 2007: 45.

Довольно скоро японцы стали важным элементом жизни дальневосточной окраины, остро нуждавшейся в рабочих руках. Они нанимались в качестве прачек, нянек, домашней прислуги, работали врачами, парикмахерами, ювелирных и часовых дел мастерами, открывали

фотосалоны, бани и т.д. О том, насколько разнообразными были сферы приложения их труда, говорит тот факт, что образованное в 1902 г. во Владивостоке Японское общество, куда должны были войти все представители диаспоры, распределило своих членов по 14 отделам, выделявшимся на основании профессиональной деятельности⁹. Некоторые виды работ, выполнявшихся японцами в России, были настолько нетрадиционными, что фактически полностью закреплялись за ними, поскольку никто из местных не обладал необходимыми для их осуществления навыками.

⁹ Зайцев [Zajicev] 2006: 8.

Селившиеся преимущественно в городах Дальнего Востока японцы все больше становились их естественной частью. С ними встречались на улицах, их видели в магазинах, мастерских, торговых конторах, прачечных. Необычные персонажи с красочных этикеток, какими они зачастую виделись жителям Европейской России, там обретали вполне реальное воплощение в людях, с которыми обывателям приходилось сталкиваться в своей каждодневной жизни. К японцам шли, чтобы отремонтировать часы, сделать фото на память, сшить новый костюм, и это было совершенно обыденным, заурядным явлением. В этнически разнородной, многонациональной среде, сформировавшейся на имперском Дальнем Востоке, японцев привыкли просто не замечать. Для жителей дальневосточных городов они были всего лишь частью повседневности.

Присутствие японцев вносило свои коррективы не только в жизнь дальневосточных обывателей, но и в городской ландшафт. Разраставшаяся община, обзаводившаяся собственной инфраструктурой, безусловно, меняла облик городов Дальнего Востока. На улицах появились вывески и объявления на японском языке, магазины и лавочки с японскими товарами, японские торговые фирмы, фотоателье и даже целые кварталы, связанные с выходцами из Японии.

Особенно явственно присутствие японцев ощущалось во Владивостоке. И хотя камчатский епископ Евсей, посетивший летом 1898 г. город-порт, был убежден, что Владивосток — это прежде всего «китайский город, где китайская жизнь проявляется себя на каждом шагу»¹⁰, «японского» там тоже было немало. Жизнь японской диаспоры была сосредоточена в «японском квартале», возникшем в центре города, в самом удобном с точки зрения коммерции месте. Там, на улицах Алеутской, Пологой, Фонтанной, а также в Косом переулке, располагалось большинство японских магазинов, парикмахерских, ателье и фотосалонов города. Там же находился и офис коммерческого агента Японии в России. Экономическая активность японских предпринимателей способствовала формированию в городе все новых японских анклавов. К концу 1890-х годов в нем обосновались уже 11 крупных японских торговых домов, обслуживавших интересы значительного числа жителей региона¹¹. Неотъемлемой частью Владивостока, прочно ассоциировавшейся с японцами, стали публичные дома: из семи таких заведений, действовавших в городе в конце 1890-х годов, шесть принадлежали

¹⁰ Описание поездки [Opisanie puezdki] 1899: 37.

¹¹ Тамура Айка [Tamura Ayka] 2007: 44.

¹² Там же: 43. японцам¹². К концу XIX столетия во Владивостоке появились даже японский храм и школа, учрежденные на деньги мигрантов.

Городское пространство дальневосточных городов органично вбирало в себя японский колорит, созданный различными институциями, привнесенными в Россию выходцами из Японии. Более того, в поликультурном пространстве российского Дальнего Востока он мог показаться необычным только приезжим: для местных все это было лишь частью привычного пейзажа, не вызывавшей каких-либо эмоций.

Российская печать, безусловно, следила за деятельностью японцев в России, однако особым вниманием публики они никогда не пользовались. Заметки о них довольно редко появлялись на страницах газет и журналов. Так, в обширной статье об иностранцах в Приамурском крае, опубликованной в 1896 г. хабаровской газетой «Приамурские областные ведомости», очерк о японцах существенно уступал по размеру аналогичным очеркам о китайцах и корейцах¹³. И такая расстановка акцентов была в принципе характерна для российской печати того времени. Дело в том, что основная часть проблем, порожденных миграцией на российский Дальний Восток выходцев из азиатских стран, была связана именно с китайцами и корейцами. Прежде всего речь шла о конкуренции на рынке труда, так как из Китая и Кореи в регион приезжали главным образом неквалифицированные рабочие, искавшие заработка в тех же областях, что и русские переселенцы. Кроме того, массовое переселение китайцев и корейцев, особенно активизировавшееся в конце XIX — начале XX в., вызвало к жизни опасения, что край будет заселен азиатами и в конечном итоге отторгнут от России¹⁴. Именно это во многом и предопределило повышенный интерес российской общественности к жизни и деятельности китайцев и корейцев. И хотя в общественно-политическом дискурсе страны японцы зачастую сливались с ними в единую нерасчленимую массу «желтых», растворявшую в себе отдельные этносы¹⁵, «желтый вопрос» в России все же был в большей степени связан с мигрантами из Китая и Кореи. На это указывает уже то обстоятельство, что претензии, предъявлявшиеся мигрантам и служившие обоснованием представлений о «желтой опасности» (общие масштабы миграции, численность переселенцев, переход в российское подданство и т.д.), практически никогда не распространялись на японцев.

Немногочисленная японская диаспора, не составлявшая сколь-нибудь серьезной конкуренции для русских рабочих на рынке труда, оказывалась фактически незаметной в общественном дискурсе Российской империи. Если же японские мигранты все-таки попадали в поле зрения имперской печати, то о них чаще всего писали в положительном ключе, противопоставляя выходцам из Китая и Кореи. Рассматриваемые в отрыве от китайцев и корейцев, они практически всегда характеризовались весьма благожелательно. В трудолюбивых, честных, способных быстро и качественно выполнить возложенные на них обязанности японцах многие видели благо для региона. Эту точку зрения разделял и Приамурский генерал-губернатор С.М.Духовский, отмечавший, что

¹³ *Иностранцы [Inostrancy] 1896.*

¹⁴ *Дятлов [Dyatlov] 2000.*

¹⁵ *Дятлов [Dyatlov] 2013.*

«привлечение в край японских рабочих и ремесленников представляется весьма желательным как ввиду их почтенных личных качеств — ловкости, аккуратности, дисциплинированности и честности, так и потому, что они могли бы составить сильную конкуренцию китайцам и понизить цены на рабочие руки»¹⁶.

¹⁶ Цит. по: Тамура Айка [Tamura Ayka] 2007: 39.

Так или иначе, положительно оценивавшиеся и не вызывавшие особых опасений японцы оттеснялись в российском публичном дискурсе на второй план. И хотя информацию о японских мигрантах собирали дальневосточная администрация (по долгу службы), отдельные исследователи и Русская православная церковь, вплоть до Русско-японской войны в общественном мнении страны они оставалась явлением мало-значимым.

**«Чтобы тут и духа
их не пахло...»**

С обострением противоречий между Японией и Россией, поставившим два государства на грань вооруженного столкновения, в целом довольно равнодушное отношение российского общества к проживавшим в империи японцам стало меняться. В январе 1904 г., когда русско-японские переговоры зашли в тупик и в прессе начали появляться первые сообщения о возможности военных действий, на японских мигрантов посмотрели другими глазами. Усиление разногласий между державами довольно быстро сказалось на расположении русского общества к японцам. В одном из сатирических журналов того времени даже появилась шутка, что не пристало называть китайца «желтоглазым, коли на то теперь ипонец (так в тексте — Я.Г.) есть!»¹⁷.

¹⁷ На улице [Na ulice] 1904: 2.

В этой ситуации далеко не редкими стали случаи нападения на японцев в городах и иных поселениях Дальнего Востока. Так, еще 11 января японская колония Хабаровска была вынуждена обратиться к командующему войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанту Н.П.Линевичу с просьбой о покровительстве и защите, поскольку «ввиду крайне тревожного времени, их положение в Хабаровске сделалось крайне тяжелым»¹⁸. А спустя 10 дней во Владивостоке толпа матросов со стоявших на рейде «в ожидании войны» военных судов разгромила японский публичный дом, расположенный на улице Пологой, избив всех встретившихся им выходцев из Страны восходящего солнца¹⁹.

¹⁸ Копия [Kopija] 1904: Л. 15.

¹⁹ Местная хроника [Mestnaja khronika] 1904.

С началом военных действий положение японских мигрантов в России еще больше ухудшилось. В условиях военного времени противник автоматически отождествлялся со всеми этническими японцами, даже с теми, кто не имел к войне никакого отношения. По замечанию читинской газеты «Забайкалье», японцы в городах Дальнего Востока вдруг стали настолько «выделяться» по «внешнему облику» и «костюму», что уберечь их от «прискорбных недоразумений» на улицах было практически невозможно²⁰.

²⁰ Чита [Chita] 1904.

Но заметными в новых обстоятельствах оказались не только сами японские мигранты: начали бросаться в глаза и привнесенные ими в пространство дальневосточных городов этнические маркеры, отсы-

лавшие к Японии и ее культуре. В архиве канцелярии Приамурского генерал-губернатора сохранилась записка, в которой житель Хабаровска обращался к генерал-губернатору с настоятельной просьбой «во избежание кровопролития» не просто очистить город от японцев, но и демонтировать вывеску на фасаде предприятия самого влиятельного из них — Такеучи, владельца одной из двух фотостудий в городе: «Ваше превосходительство, ради бога, прикажите убрать, удалить японца Такеучи и других из Хабаровска, хоть в Сретенск или куда. Верно говорю Вам, его убьют, как и многих других, хоть их охраняйте, как знаете. Прикажите и вывеску его уничтожить (подчеркнуто в источнике — Я.Г.), чтобы тут и духа их не пахло. Нам собственно его не жаль, не все ли равно с десяток этих разбойников-обезьян меньше будет, но очень нежелательно то, что иностранные газеты сейчас заговорят о жестокости русских, что они убивают мирных японцев в своих городах. А убьют Такеучи и прочих беспременно, рано или поздно убьют. Это решено, и даже уже сговорились некоторые люди, а кто их будет защищать, и тех убьют»²¹. Очевидно, что вывеска воспринималась автором записки в качестве особого знака-маркера, символизировавшего присутствие японцев в Хабаровске, а в условиях войны с Японией отношение к таким маркерам становилось гораздо более серьезным и нетерпимым. Так, уже в марте 1904 г., буквально через месяц после начала военных действий, читатели газеты «Владивосток» в обращении к редактору высказались за переименование Японской улицы, расположенной в центре Приморской столицы²². И хотя исторически название этой улицы не было связано ни с Японией, ни с японскими мигрантами (свое название она получила от транспортного судна «Японец», которое вместе с двумя другими — «Алеутом» и «Манджуром», в честь которых тоже были названы улицы, — доставило на место основания Владивостока первых поселенцев и все необходимое для закладки города²³), к моменту начала войны об этом уже мало кто помнил, тем более что значительная часть населения города переселилась в него из Европейской России только в последней четверти XIX столетия. Как бы то ни было, в 1904 г. Японская улица ассоциировалась у горожан уже не с кораблем — основателем порта, а с государством-противником. Понятно, что в условиях войны с Японией иметь в центре главного восточного форпоста России улицу с подобным названием казалось им совершенно недопустимым и непатриотичным.

Неожиданно столкнувшись с враждебным отношением со стороны местных жителей, японцы стали активно распродавать имущество и возвращаться в Японию. В начале февраля японский коммерческий агент объявил о сборе всех подданных микадо, желавших вернуться на родину, во Владивостоке, откуда 6 и 13 февраля при содействии японского правительства в Цуругу и Модзи были отправлены корабли «Эфридж» и «Батавия». На борту этих кораблей оказалась большая часть японцев, проживавших на российском Дальнем Востоке²⁴. Оставшимся в России японцам на время войны официально было запрещено пребывание на территории Дальневосточного наместничества, включавшего

²¹ Записка
[Zapiska] 1904:
Л. 24.

²² Обращение
к редактору
[Obrashhenie k
redaktoru] 1904.

²³ В 1884 г. судна-
ветераны были
проданы «на дре-
ва» (Хисамутдинов
[Khisamutdinov]
1989: 207).

²⁴ Тамура Айка
[Tamura Ayka]
2007: 47.

в себя Приамурское генерал-губернаторство и Квантунский полуостров, и вскоре они были высланы оттуда в европейскую часть страны (из-за приостановки плавания гражданских судов в Японском море отправить их напрямую в Японию было невозможно).

Несмотря на отъезд основной массы японцев, выходцев из Страны восходящего солнца на улицах российских городов замечать тем не менее не перестали. Неприметность японской диаспоры в России, ставшая особенно очевидной с началом войны, заставила российскую общественность пересмотреть свои взгляды на действительные цели пребывания японцев в империи, и эти цели тут же увидели в шпионаже в пользу Японии. Так, журнал «Чтение для солдат» безапелляционно заявил, что «почти все поголовно» японцы, проживавшие на Дальнем Востоке до войны, были шпионами, «следившими за передвижением русских войск и старавшимися возбудить население Маньчжурии против русских»²⁵. Подобная точка зрения, получавшая все большее распространение, особым образом повлияла на «бдительность» населения, вылившуюся в 1904—1905 гг. в масштабную кампанию по поиску и поимке японских шпионов. И хотя таковые в России, безусловно, были²⁶, масштабы шпиономании в 1904—1905 гг. превзошли все мыслимые пределы. В июне 1904 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» не без сарказма замечала, что «японские шпионы положительно в моде»: «Присутствие их заподозрили на одном иностранном судне в Одессе. Потом в Кронштадте. Приказчики какой-то чайной фирмы в Петербурге были провозглашены шпионами малой прессой. Кто-то видел японских офицеров генерального штаба, производящих съемки в окрестностях Тетюш, то ли около Пошехонья»²⁷.

Охватившая страну в 1904—1905 гг. шпиономания была насколько сильной и безудержной, что вскоре стала одним из излюбленных сюжетов российских сатирических журналов. В нескольких строчках писатели-сатирики наглядно показывали, насколько абсурдными могли быть «разоблачения» японских шпионов в России:

«Среди проезжих, остановившихся в Мукдене:

— Представьте себе, стал я ухаживать здесь за одной маньчжуркой, но вдруг ее арестовали!

— За что?

— Оказалось, что это был переодетый японец!

На ручной китайской тележке, везомой китайцем, едут две дамы:

— Тпру! Стой! — произносит одна, хватая китайца за косу.

— Зачем же ты его за косу-то трогаешь?

— Для безопасности... Что-то бойко везет; не переодетый ли это японец? Как раз какую-нибудь каверзу устроит.

У окна в маньчжурском городе:

— Ох, какая громадная собака идет по улице...

— Смотри, не переодетый ли это японец?»²⁸.

Шпиономания стала одним из важнейших следствий актуализации этнического фактора в 1904 г., когда присутствие японцев в им-

²⁵ *Война [Vojna] 1904: 19.*

²⁶ *См. Греков [Grekov] 2000; Синиченко [Sinichenko] 2003.*

²⁷ *Шпионы [Shpiony] 1904.*

²⁸ *Урсус [Ursus] 1904.*

перии сделалось заметным. Не случайно, что именно с этого времени японец-шпион превратился в одного из популярнейших героев художественных произведений, ведь тот факт, что в стране вообще проживают японцы, отчетливо осознали в России только в годы войны с Японией.

* * *

Будучи во многих отношениях военно-политическим конфликтом нового формата, Русско-японская война со всей очевидностью отразила сдвиг в восприятии носителей иной национальной культуры. Случай с японцами в России показывает, как под влиянием политических событий этническая составляющая, ранее находившаяся на периферии общественного сознания, может трансформироваться чуть ли не в ключевую категорию. Вплоть до начала военных действий с Японией выходцы из Страны восходящего солнца, жившие в России, не были там сколько-нибудь значимыми «другими». И дело здесь было не только в их малочисленности, но и в отсутствии серьезных проблем, порождаемых их присутствием в империи. В глазах жителей России они, вне сомнения, были «другими», но такими «другими», которые не воспринимались ни в качестве абсолютно «иных» (об этом, в частности, свидетельствует наличие межнациональных браков), ни в качестве враждебных. Незаметность японцев в России фактически ставила их на позиции иноэтнической группы, отношение к которой в пределах империи было индифферентным. Национальность мигрантов из Японии четко обозначили лишь стремительно начавшиеся военные действия. Тотальная война, жестко противопоставившая два народа, окрасила этничность в политические тона. Именно этническая принадлежность оказалась в 1904—1905 гг. наиболее существенной характеристикой японцев в символическом поле Российской империи. И немалую роль в этом процессе, помимо института военной пропаганды, сыграли настроения российского населения, более отчетливо осознавшего в тот период собственную этническую принадлежность. В результате негативные чувства по отношению к противнику, касавшиеся главным образом «внешних» японцев, с легкостью были перенесены на их соплеменников, проживавших в России, в один момент превратив незаметных японских мигрантов в нацию врагов.

Как следствие, этничность, еще недавно представлявшая собой совершенно нейтральную категорию, внезапно начала осознаваться как политическая характеристика индивида, причем, что важно, вне зависимости от его поведения или взглядов. Любые действия этого индивида, да и просто сам факт его наличия осмыслялись как политически значимые, политически враждебные.

Русско-японская война, выдвинувшая этничность в качестве наиболее важной, «маркерной» идентичности, поставила совершенно новую проблему, никогда прежде не встававшую перед государствами, ведущими военные действия: что делать и как поступать с прожи-

вающими на их территории представителями этноса, преобладающего в стране-противнике. И хотя официально категория «вражеские подданные» оформилась в Российской империи только десятилетие спустя, с началом Первой мировой войны²⁹, теоретические основы для ее выделения были заложены еще в годы войны «нулевой», во время инициированной российским правительством масштабной кампании по удалению японцев из Дальневосточного наместничества и борьбе с японским шпионажем.

²⁹ См. Лор [Lohr] 2012.

Впоследствии казус Русско-японской войны, вытесненный из общественного сознания ужасами геноцидов середины столетия, отодвинулся на периферию политического осмысления. Однако именно та война дала один из первых примеров формирования тотальной враждебности к этнической группе безотносительно к реальным действиям ее представителей. Именно в ходе той войны зародились механизмы, которые позже проявятся в полную мощь — и которые функционируют по сей день. Эти механизмы я и попыталась описать.

Библиография

Белоус Б.С. 2007. *Хозяйственная деятельность японских иммигрантов на юге Дальнего Востока России и политика администрации Приамурского края второй половины XIX — начала XX вв.* Дисс. на соискание уч. степени кандидата исторических наук. — Владивосток [Belous B.S. 2007. *Khodzajstvennaja dejatel'nost' japonskikh immigrantov na juge Dal'nego Vostoka Rossii i politika administracii Priamurskogo kraja vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv.* Diss. na soiskanie uch. stepeni kandidata istoricheskikh nauk. — Vladivostok].

Война России с Японией. Приложение. 1904 // *Чтение для солдат*. Кн. II. Вып. IV [Vojna Rossii s Japoniej. Prilozhenie. 1904 // Chtenie dlja soldat. Kn. II. Vyp. IV].

Воробьева Э.А. 2009. *Русско-японская война и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока.* Дисс. на соискание уч. степени кандидата исторических наук. — Новосибирск [Vorob'eva E.A. 2009. *Russko-japonskaja vojna i obshhestvennoe mnenie Sibiri i Dal'nego Vostoka.* Diss. na soiskanie uch. stepeni kandidata istoricheskikh nauk. — Novosibirsk].

Греков Н.В. 2000. *Русская контрразведка в 1905—1917 гг.: Шпиономания и реальные проблемы.* — М. [Grekov N.V. 2000. *Russkaja kontrrazvedka v 1905—1917 gg.: Shpionomanija i real'nye problemy.* — M.].

Дятлов В.И. 2000. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // *Вестник Евразии*. № 1 (8) [Djatlov V.I. 2000. *Migracija kitajcev i diskussija o «zheltoj opasnosti» v dorevoljucionnoj Rossii // Vestnik Evrazii. № 1 (8).*

Дятлов В.И. 2013. Синдром «желтой опасности» в дореволюционной России: экзотизация как механизм дегуманизации и исключения // Дятлов В.И., Григоричев К.В. (ред.) *Переселенческие общества Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков.* — Иркутск [Djatlov V.I. 2013. *Sindrom «zheltoj opasnosti» v dorevoljucionnoj Rossii: ekzotizacija kak mehanizm dегumani-zacii i iskljuczenija // Djatlov V.I., Grigorичev K.V. (red.) *Переселенческие общества Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков.* — Иркутск*

«zheltojj opasnosti» v dorevoljucionnoj Rossii: ehkzotizacija kak mekhanizm degumanizacii i iskljuchenija // Djatlov V.I., Grigorichev K.V. (ed.) *Pereselencheskie obshhestva Aziatskoj Rossii: migracii, prostranstva, soobshhestva. Rubezhi XIX—XX i XX—XXI vekov.* — Irkutsk].

Дятлов В.И., Григоричев К.В. (ред.) 2013. *Переселенческие общества Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков.* — Иркутск [Djatlov V.I., Grigorichev K.V. (ed.) 2013. *Pereselencheskie obshhestva Aziatskoj Rossii: migracii, prostranstva, soobshhestva. Rubezhi XIX—XX i XX—XXI vekov.* — Irkutsk].

Дятлов В.И., Григоричев К.В. 2014. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение».* № 10 [Djatlov V.I., Grigorichev K.V. 2014. Sibir': dinamika ehtnizacii gorodskogo prostranstva pereselencheskogo obshhestva // *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Politologija. Religiovedenie».* № 10].

Зайцев Д.М. 2006. *Японская диаспора во Владивостоке и русско-японская война 1904—1905 гг.* — Владивосток [Zajcev D.M. 2006. *Japonskaja diaspora vo Vladivostoke i rusko-japonskaja vojna 1904—1905 gg.* — Vladivostok].

Записка без подписи. 1904 // *РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431* [Zapiska bez podpisi. 1904 // *RGIA DV. F. 702. Op. 1. D. 431*].

Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. № 10 [Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Politologija. Religiovedenie»]. 2014. № 10].

Иностранцы в Приамурском крае. 1896 // *Приамурские областные ведомости* (Хабаровск). 29.09 [Inostrancy v Priamurskom krae. 1896 // *Priamurskie oblastnye vedomosti* (Khabarovsk). 29.09].

Копия телеграммы командующего войсками Приамурского военного округа в Порт-Артур заместителю Алексееву от 11 января 1904 г. // *РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 431* [Kopija telegrammy komandujushhego vojskami Priamurskogo voennogo okruga v Port-Artur namestniku Alekseevu ot 11 janvarja 1904 g. // *RGIA DV. F. 702. Op. 1. D. 431*].

Лор Э. 2012. *Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы первой мировой войны.* — М. [Lohr E. 2012. *Russkijj nacionalizm i Rossijskaja imperija: Kampanija protiv «vrazheskikh poddannykh» v godu pervojj mirovoj vojny.* — M.].

Местная хроника. 1904 // *Дальний Восток* (Владивосток). 21.01 [Mestnaja khronika. 1904 // *Dal'nijj Vostok* (Vladivostok). 21.01].

Молодяков В.Э. 1996. *«Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX — начала XX века.* — М. [Molodjakov V.Eh. 1996. «*Obraz Japonii*» v Evrope i Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka. — M.].

На улице. 1904 // *Шут* (СПб.). № 13 [Na ulice. 1904 // *Shut* (SPb.). № 13].

Обращение к редактору. 1904 // *Владивосток* (Владивосток). 7.03 [Obrashhenie k redaktoru. 1904 // *Vladivostok* (Vladivostok). 7.03].

Описание поездки Преосвященнейшего Евсея, епископа Камчатского для обозрения церквей епархии, совершенной с 8 июля по 22 августа сего 1898 г. 1899 // *Камчатские епархиальные ведомости*. № 3 [Opisanie poezdki Preosvjashhennejshogo Evseja, episkopa Kamchatskogo dlja obozrenija cerkvejj eparkhii, sovershennoj s 8 ijulja po 22 avgusta 1898 g. 1899 // Kamchatskie eparkhial'nye vedomosti. № 3].

Подалко П. 2005. Первые встречи // *Родина*. № 10 [Podalko P. 2005. Pervye vstrechi // Rodina. № 10].

Позняк Т.З. 2004. *Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России: Вторая половина XIX — начало XX в.* — Владивосток [Poznjak T.Z. 2004. Inostrannye poddannye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii: Vtoraja polovina XIX — nachalo XX v. — Vladivostok].

Сенявская Е.С. 2002. Япония как противник России в войнах XX века // Голубев А.В. (ред.) *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*. Вып. 2. — М. [Senjavskaia E.S. 2002. Japnija kak protivnik Rossii v vojnikh XX veka // Golubev A.V. (ed.) Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovosprijatija. Вып. 2. — М.].

Синиченко В.В. 2003. *Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.* — Иркутск [Sinichenko V.V. 2003. Pravonarushenija inostrancev na vostoке Rossijskojj imperii vo vtorojj polovine XIX — nachale XX v. — Irkutsk].

Тamura Айка. 2007. *Японская иммиграция на российский Дальний Восток во второй пол. XIX — первой трети XX в.: По источникам и литературе на японском языке*. Дисс. на соискание уч. степени кандидата исторических наук. — Владивосток [Tamura Ajka. 2007. Japniskaja immigracija na rossijskij Dal'nijj Vostok vo vtorojj pol. XIX — pervojj treti XX v.: Po istochnikam i literature na japnском jazyke. Diss. na soiskanie uch. stepeni kandidata istoricheskikh nauk. — Vladivostok].

Урсус. 1904. Переодетые японцы // *Осколки*. № 17 [Ursus. 1904. Pereodetye japoncy // Oskolki. № 17].

Хисамутдинов А. 1989. *Terra Incognita, или Хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку*. — Владивосток [Khisamutdinov A. 1989. Terra Incognita, ili Khronika russkikh puteshestvij po Primor'ju i Dal'nemu Vostoku. — Vladivostok].

Чита: 3 февраля. 1904 // *Забайкалье* (Чита). 4.02 [Chita: 3 fevralja. 1904 // Zabajkal'e (Chita). 4.02].

Шпионы. 1904 // *Санкт-Петербургские ведомости*. 27.06 [Shpiony. 1904 // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 27.06].

Steinberg J.W. et al. (eds.) 2005. *The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero*. Vol. 1. — Boston.

Wolff D. et al. (eds.) 2007. *The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero*. Vol. 2. — Boston.